

DOI: 10.31857/S013038640007612-1

© 2019 г. **И. И. ОРЛИК**

ПРЕДНАЧЕРТАНИЯ «ПОСТСОЦИАЛИЗМА»

Орлик Игорь Иванович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, Заслуженный деятель науки РФ (Москва, Россия).

E-mail: sulik63@yandex.ru

Аннотация. В статье освещены главные направления политики западных держав, особенно США, в отношении стран социализма во второй половине XX в. Начало «холодной войны» предопределило стратегию Запада в Советском регионе и в восточноевропейских странах. Рассматривается становление этой стратегии, получившей отражение в так называемой «Длинной телеграмме» Дж. Кеннана в Вашингтон из американского посольства в Москве. Взгляды автора этой телеграммы Кеннана, их изменения подробно изложены в статье.

«Длинной телеграмме» была уготовлена долгая судьба. Не только сформулированный в ней принцип «сдерживания», но и сама внешнеполитическая практика, претерпевая некоторые временные изменения, сохранялась на протяжении более семи десятилетий. Ни одна американская, да и вообще, западная стратегия в отношении СССР и его союзников по социалистическому лагерю не обходилась без идеи «сдерживания». И все же «Длинная телеграмма», ее содержание и направленность продолжают и сейчас, спустя многие десятилетия, привлекать особое внимание. Значение этой стратегии трудно переоценить: она оказала влияние на выработку американской доктрины на последующие 40 лет, обусловила политику других государств в отношении Америки и, наконец, легла в основу многих важных дипломатических и политических начинаний, таких, как доктрина Трумэна, план Маршала, НАТО и Берлинский воздушный мост. Американские историки связывают происхождение «холодной войны» с политикой США в Восточной Европе.

В 70-80-е годы прошлого века наметились тенденции ослабления «холодной войны», что нашло отражение в серии советско-американских дискуссий дипломатов и историков обеих стран. Однако последующее развитие международных отношений привело к ужесточению «холодной войны», проведению усилившейся политики «сдерживания», реализации намеченного еще в 50-е годы XX в. предначертания «постсоциализма».

Ключевые слова: СССР, США, сдерживание, Кеннан, «Длинная телеграмма», советско-американские конференции, «постсоциализм».

I. I. Orlik**Predestination of Postsocialism**

Igor Orlik, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Honoured Science Worker of the Russian Federation (Moscow, Russia).

E-mail: sulik63@yandex.ru

Abstract. The article highlights the main policy directions of the Western powers, especially the USA, towards the socialist countries in the second half of the 20th century. The beginning of the Cold War predetermined the strategy of the West in the Soviet region and in Eastern European countries. The formation of this strategy, reflected in Gorge Kennan's «Long Telegram» to Washington from the American Embassy in Moscow, is considered. The views of the author of this telegram and their transformation are detailed in the article.

Not only the principle of «containment» formulated in G. Kennan's «Long Telegram», but also the foreign policy practice itself, undergoing some temporary changes, persisted for more than seven decades. None of the American, and indeed, Western strategies towards the Soviet Union and its allies in the socialist camp did not do without the idea of «containment». And yet the «Long Telegram», its content and purpose, continue to attract special attention even now, many decades later. The importance of this strategy cannot be overstated: it influenced the development of the American foreign policy doctrine for the next forty years, determined the policy of other states towards America and, finally, formed the basis of many important diplomatic and political initiatives, such as the Truman Doctrine, the Marshall Plan, NATO, and the Berlin Airlift. American historians link the origins of the Cold War with the USA policy in Eastern Europe.

In the 70s-80s of the last century there was a tendency of weakening the «Cold War», which is reflected in a series of Soviet-American discussions between diplomats and historians from both countries. However, the subsequent development of international relations led to the hardening of positions on both sides of the «Cold War», the intensification of the policy of «containment», the realisation of the destiny of post-socialism planned in the 50s of the 20th century.

Keywords: USSR, USA, containment, Kennan, Long Telegram, Soviet-American conferences, post-socialism.

Период после падения в Восточной Европе социалистического строя, а вскоре и распада Советского Союза, многие исследователи называют «постсоциализмом»¹. Хотя социально-экономического и политического содержания в этом определении нет, все же его в какой-то мере заменяет утверждение, что «постсоциализм» — это порождение «холодной войны», развернувшейся после окончания Второй мировой войны.

Несмотря на неоднократные заявления советских и американских лидеров об окончании «холодной войны» она продолжалась, да и стала еще более обостренной и опасной в XXI в.

Признавая роль внутренних, прежде всего экономических причин, кризиса и падения социалистического строя, нельзя абстрагироваться (как это делают некоторые западные и российские историки) от воздействия внешнего фактора на события 30-летней давности в восточноевропейских странах и в СССР.

Кто же и когда предначертал будущий «постсоциализм» в своих проектах еще в середине прошлого века и позже?

¹ Постсоциалистический мир: итоги трансформации. В 3-х т. Под общ. ред. С. П. Глинкиной. Т. 1. Центрально-Восточная Европа. Отв. ред. Н. В. Куликова. СПб., 2017.

ДОЛГАЯ СУДЬБА «ДЛИННОЙ ТЕЛЕГРАММЫ»

Еще не окончилась Вторая мировая война, а новый президент Соединенных Штатов Г. Трумэн, сменивший недавно скончавшегося Ф. Рузвельта, занял жесткую позицию в отношении Советского Союза. Это проявилось во время визита в США в конце апреля 1945 г. народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова.

Советский посол в Вашингтоне А. А. Громыко, участвовавший в беседе Молотова с Трумэном, назвал встречу с президентом как трудную. «Трумэн подчеркнуто пытался обострить встречу... проявлял какую-то петушиную драчливость, придираясь чуть ли не к каждому высказыванию с советской стороны... чувствовалось, что Трумэн пружину уже натянул»². Бывший посол США в СССР А. Гарриман позже назвал эту встречу «началом “холодной войны”».

Но более наглядным и конкретным отношением Белого дома к Советскому Союзу вскоре после окончания войны стали изменения в дипломатической сфере. Это сказалось в американской реакции на события в Москве в феврале 1946 г. 29 февраля в Москве в Большом театре с речью выступил И. В. Сталин в связи с выдвижением его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Хотя в речи основное внимание обращалось на внутренние проблемы развития страны, но некоторые оценки «мирового капитализма», борьбы за сырье и рынки сбыта были расценены на Западе, особенно в США, как угроза со стороны СССР.

Именно поэтому Госдепартамент США запросил у своего посольства в Москве разъяснений по поводу возможной политики СССР, а также соображений о стратегии США в отношении Москвы.

В Вашингтон была направлена довольно пространная секретная аналитическая записка, позже названная «Длинной телеграммой». В посольской записке предельно четко определялась неизбежность противостояния США и СССР, решительно отвергалось военное сотрудничество, провозглашалась политика сдерживания в отношении Советского Союза, «не прибегая к крупному военному конфликту»³. «Советы — не слабаки, когда выступают против всего западного мира. Поэтому их успех или неуспех будет зависеть от степени сплоченности, решительности и энергии, с которыми выступит западный мир. А на этот фактор мы сами сможем повлиять»⁴. В телеграмме характеризовалась внутренняя социально-политическая ситуация в СССР и заявлялось о необходимости разработки в США «конструктивной и осмысленной программы» действий. «Длинная телеграмма» определила будущее американской политики в отношении СССР. Ее направленность полностью соответствовала новому «пострузвельтовскому» курсу Белого дома и его хозяина президента Г. Трумэна. Это, как позже стало ясно, и определило содержание и стиль «Длинной телеграммы».

Оценка ситуации в Советском Союзе и его внешнеполитических намерений не была чем-то новым. Еще до войны негативное отношение к советскому строю было характерно для многих американских политиков и дипломатов, хотя подчас они поддерживали курс Ф. Рузвельта на сотрудничество с СССР. Об этом всем свидетельствовали не только их заявления, но и конкретная деятельность. Блестящий детальный анализ этих позиций содержится в монографии В. Л. Малькова «Россия и США в XX веке»⁵. «Длинная телеграмма», ее направленность определялась ситуацией, сложившейся сразу после окончания войны на международной арене.

² Громыко А. А. Памятное. В 2-х кн. М., 1990, кн. 1, с. 259.

³ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР. М., 2000, с. 468.

⁴ Там же.

⁵ Мальков В. Л. Россия и США в XX веке. М., 2009, с. 249–303.

Самым существенным фактором, определившим становление и развитие «холодной войны», стало обладание атомным оружием. «Подлинно революционное значение... имела прежде всего собственная история создания атомного оружия, которая вошла неотъемлемой частью в родовое понятие “холодной войны”, стала ее ипостасью»⁶.

Английский физик П. Блэккет утверждал, что «атомные бомбардировки стали не столько последним актом Второй мировой войны, сколько первой большой операцией в холодной дипломатической войне с Россией»⁷. Секретная телеграмма, отправленная в Вашингтон, полностью отражала эту ситуацию. В. Л. Мальков очень четко обозначил «прогностическую силу» «Длинной телеграммы»⁸. Увы, многие ее положения и рекомендации использовались на протяжении более 70-ти лет.

Действительно, «Длинной телеграмме» была уготовлена долгая судьба. Не только сформулированный в ней принцип «сдерживания», но и сама внешнеполитическая практика, претерпевая некоторые временные изменения, сохранялась на протяжении более семи десятилетий. Ни одна американская, да и вообще, западная стратегия в отношении СССР и его союзников по социалистическому лагерю не обходилась без идеи «сдерживания». Некоторые дискуссии в среде западных внешнеполитических идеологов и временные ослабления напряженности между США и СССР не изменяли суть западной стратегии.

Содержание «Длинной телеграммы» не очень долго оставалось секретным. Она почти полностью была опубликована в июле 1947 г. в американском авторитетном журнале «Форин афферс». Автор был скрыт под буквой «Х». Кто же был этот мистер «Икс»? Анонимный автор статьи, он же и автор «Длинной телеграммы» оставался неизвестным. Впрочем, в среде дипломатов, сотрудников Госдепартамента и других официальных лиц, он был хорошо известен. Вскоре и сам автор перестал скрывать свое имя. Это был Джордж Фрост Кеннан — советник-посланник посольства США в Москве в 1946 г.

Карьера автора «Длинной телеграммы» претерпела изменения вскоре после ознакомления с депешей в Вашингтоне. В 1947 г. он был назначен руководителем Бюро по планированию внешней политики Госдепартамента США. Затем он получил еще более высокий пост главного советника Госдепартамента по вопросам долгосрочного планирования.

Всего лишь 5 месяцев, с марта 1952 г., Кеннан был послом США в Москве. Но уже в сентябре того же года он был признан советским правительством персоной нон-грата и отбыл в Вашингтон. Причиной стали не только его взгляды на внешнюю политику СССР, но и его лекция в Западном Берлине, содержавшая резкие оценки советской действительности.

И все же «Длинная телеграмма», ее содержание и направленность продолжают и сейчас, спустя многие десятилетия, привлекать особое внимание. Вот как оценивается ее автор в современной «Википедии»: «Именно из Москвы он посылает «Длинную телеграмму», в которой призывает правительство Соединенных Штатов твердо выступить против советской экспансии в Восточной Европе. Затем, в июле 1947 г., в журнале «Форин афферс» (Международные отношения) появилось эссе за подписью некоего «Х», в котором излагалась стратегия сдерживания, вскоре воплощенная в жизнь. Значение этой стратегии трудно переоценить: она оказала влияние на выработку американской доктрины на последующие 40 лет, обусловила политику других государств в отношении Америки и, наконец, легла в основу многих важных

⁶ Там же, с. 296.

⁷ Там же, с. 353.

⁸ Там же, с. 418.

дипломатических и политических начинаний, таких, как доктрина Трумэна, план Маршала, НАТО и Берлинский воздушный мост»⁹.

Идея «сдерживания» была направлена не только против СССР, но и против его союзников в Восточной Европе. Американские историки связывают происхождение «холодной войны» с политикой США в Восточной Европе. Э. Марк, например, так и озаглавил свою статью в журнале американской истории: «Американская политика в отношении Восточной Европы и происхождение “холодной войны”»¹⁰.

КОНЦЕПЦИЯ «СДЕРЖИВАНИЯ» И ЕЕ МОДИФИКАЦИЯ

Доктрина «сдерживания», претерпевая различные изменения, сохраняла одну цель — продолжение последовательного влияния на страны социализма, т.е. предначертала будущий распад существовавшего там строя и переход к «постсоциализму». Главная роль при этом отводилась военному блоку западных держав — НАТО. В ответ была создана организация Варшавского Договора во главе с СССР. Так началось длительное противостояние двух военных блоков, во главе которых стояли США и СССР.

Уже в начале 1950-х годов стала осуществляться широкая программа вооружения. В конце 1950 г. на 6-й сессии совета НАТО было принято решение о создании Объединенных вооруженных сил стран Североатлантического договора. Верховным командующим этими силами был назначен Д. Эйзенхауэр. Руководство НАТО не ограничивалось только военными функциями в политике относительно социалистических восточноевропейских стран. Скоро к ним прибавились и многочисленные направления контроля за связями с Восточной Европой. Так, например, был создан Комитет по финансовой и экономической защите, который занимался вопросами контроля за торговлей со странами социализма.

Резко ограничены были торговые связи между Западом и Востоком Европы. В апреле 1951 г. в Италии с возмущением отмечалось, что стране навязаны ограничительные списки, в том числе один секретный, и на их основании запрещена свободная, широкая торговля с теми странами Восточной Европы, которые в настоящее время могли бы поставлять нужное им сырье и вдоволь загрузить работой всю их машиностроительную и обрабатывающую промышленность.

Несмотря на Ялтинские и Потсдамские соглашения, Запад, прежде всего США, не намеривались отказываться от распространения своего влияния в Восточной Европе. Вскоре после окончания войны будущий американский президент Д. Эйзенхауэр с горечью говорил: «Название почти каждой из малых стран Восточной Европы напоминает о крушении наших целей».

В ходе президентской избирательной кампании летом 1952 г. Д. Эйзенхауэр восклицал: «Я со всей торжественностью заверяю, что совесть американского народа не может быть спокойна, пока не будут освобождены народы Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Албании... родственные нам по крови»¹¹.

Доктрина «сдерживания», затем «освобождения», а в 1960-е годы «мирного вовлечения» — вот концепционная основа стратегии западных держав. Суть при этом одна и та же. Автор доктрины «сдерживания» Дж. Кеннан сам позже признавал, что «сдерживание» и «освобождение» — это «две стороны одной и той же медали»¹².

⁹ Кеннан Д. Ф. Истоки советского поведения. — <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/istoki-sovetskogo-povedeniya.php> (дата обращения 18.07.2019); «Длинная телеграмма». — <http://www.ilinskiy.ru/publications/sod/glprot-p2.php> (дата обращения 18.07.2019).

¹⁰ Мальков В. Л. Указ. соч., с. 289.

¹¹ Цит. по: Meyer H. The Last Illusion. New York, 1954, p. 389.

¹² Kennan G. Realities of American Foreign Policy. Princeton, 1954, p. 112.

Один из основателей НАТО, государственный секретарь США Д. Ачесон писал, что без НАТО «было бы мало надежды на возрождение национальной самостоятельности стран Восточной Европы»¹³.

И все же, несмотря на воинственную риторику (больше в адрес СССР, чем Восточной Европы) натовские стратегии были на протяжении длительного времени довольно сдержанными в каких-либо конкретных военных акциях. Так было во время венгерского восстания в октябре 1956 г. и его подавления советскими войсками. Так было и в августе 1968 г., когда армии стран Варшавского Договора подавили «пражскую весну».

Со стороны Запада раздавались воинственные угрозы, но на военное столкновение с Советским Союзом западные державы не пошли. Для того были и внутренние причины и международно-политические обстоятельства. Признанный в США специалист по восточноевропейским странам Джон Кэмпбелл в 1961 г. признавал: «Для американской дипломатии за последние два десятилетия не было поля, где бы она больше провалилась, чем в Восточной Европе»¹⁴.

К началу 1960-х годов относится и провозглашение, а затем и официальное признание западными державами стратегии «мирного вовлечения» Восточной Европы, которая с различного рода модификациями реализовывалась в течение 60-х — 80-х годов XX в. Она оказалась более эффективной (с точки зрения западных политиков), чем подготовка военного вторжения в Восточную Европу¹⁵.

Наиболее полно новая концепция сдерживания СССР и Восточной Европы была изложена в июле 1961 г. в журнале «Форин афферс». Как в свое время статьей Дж. Кеннана в этом же журнале была провозглашена доктрина «сдерживания», так и сейчас в статье З. Бжезинского и В. Гриффитса наряду с признанием неэффективности доктрины «освобождения» возлагались надежды на новую политику, которая отныне получила название «мирного вовлечения» (peaceful engagement) Восточной Европы в «свободный мир»¹⁶.

Находясь в эпицентре «холодной войны», восточноевропейский регион испытывал на себе всю ее пагубность и угрожающую опасность. Это проявлялось, с одной стороны, в жесткой привязке его к Советскому Союзу и подчинению Москве во всех сферах политической, экономической и общественной жизни. С другой стороны, дискриминационная политика западных держав сдерживала возможности экономических и научно-технических связей стран Восточной Европы со своими западными соседями. К этому добавлялось и тяжелое бремя расходов на армию, вооружение, военное производство. Если учесть еще и возроставшее количество и качественное совершенствование оружия противостоявших в «холодной войне» двух блоков, то станет ясным, что Восточная Европа была своего рода заложником в противоборстве между Востоком и Западом.

В своей политике западные государства пытались объединить силы с целью повышения эффективности воздействия на «социалистический мир». В 1960–1980-е годы явно проявлялось стремление к проведению общей внешнеполитической стратегии в отношении стран социализма. Это отчетливо ощущалось в ходе разработки внешнеполитических доктрин и конкретной политики западных держав.

При разработке общей стратегии Запада в отношении восточноевропейских стран внешнеполитические идеологи исходили из определения стратегической важности региона в международной жизни. Его значение определено в сборнике «Соединенные

¹³ Acheson D. Power and Diplomacy. Cambridge, 1958, p. 72.

¹⁴ American Diplomacy in a New Era. University of Notre Dame Presse, 1961, p. 297.

¹⁵ См. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. М., 2002, т. 2, с. 230–358.

¹⁶ Foreign Affairs, July 1961, p. 37–49.

Штаты Америки и Восточная Европа», выпущенном Американской Ассамблеей и Фондом Форда в 1967 г. Во введении к этому сборнику отмечалось: «Восточная Европа была и остается одним из решающих районов на земном шаре. Она представляет собой существенную часть Европейского континента и является по-прежнему одним из центров мировой культуры, экономической и военной мощи, политической и интеллектуальной активности. В этом районе проживают более 120 млн человек... В Восточной Европе имеются внушительные источники квалифицированной рабочей силы, растущие промышленные мощности, значительный сельскохозяйственный потенциал и большие запасы дефицитного сырья. Кроме того, этот район занимает жизненно важное стратегическое положение в Европе и во всем мире»¹⁷.

Если в середине 1960-х годов США рассчитывали на какой-то быстрый политический и идеологический эффект расширения экономических связей с социалистическими странами, то в начале 1970-х годов эти надежды выражались более сдержанно, хотя и подчеркивалась тесная связь экономических и политических направлений в политике Соединенных Штатов в отношении стран социализма. Правительство США продолжало считать необходимым проводить экономическую политику, тесно связанную с политическими целями, хотя многие представители правящих кругов Запада признавали нецелесообразность такой политики, необходимость отхода от курса «холодной войны».

Политика западных держав в отношении стран социалистического содружества в 1980-е годы становится более целенаправленной и в конечном счете более эффективной. В марте 1982 г. президент США Д. Рейган подписал секретную директиву по национальной безопасности «NSDD-32», которая предписывала «нейтрализацию» советского влияния в Восточной Европе с применением тайных мер. В выступлении вице-президента США Дж. Буша в Вене в октябре 1983 г. главное назначение этой политики было определено как проведение дифференциации на линии СССР — страны Восточной Европы. Как заявил помощник госсекретаря США по делам Европы Л. Иглбергер в августе 1981 г., «ничего не может быть хуже с точки зрения американских интересов, чем подход к странам этого региона как к единому блоку». В конечном счете речь шла о том, чтобы добиться «отрыва Восточной Европы от СССР».

В совместном исследовательском проекте ученых восточноевропейских социалистических стран, посвященном отношениям этих стран с Западом (проект «Звезда»), отмечалось: «Большой акцент в дифференцированной политике делается на различии исторических, национальных, культурных и других традиций в странах Восточной Европы, действие которых, как ожидают на Западе, “будет возрастать” на протяжении 1980-х годов, создавая “дополнительные противоречия” во взаимоотношениях этих стран. С этим связано стремление использовать в целях дискредитации и ослабления реального социализма, как наиболее взрывоопасным, воздействующим на значительные слои населения и способствующим поджогу националистических настроений. Из этих замыслов вытекает и широкая подача пропагандистских материалов, относящихся к “македонской”, “трансильванской”, “бессарабской”, “косовской” проблемам, проявление “озабоченности” и раздувание под этим предлогом самих проблем, поддержка в зависимости от политических обстоятельств тех или иных “справедливых национальных требований”. Проводя подобного рода политическую игру, Запад нащупывает каналы для идеологического и националистического воздействия на население соответствующих стран, пытаясь привлечь внимание его на свою сторону и возложить в той или иной форме вину за нерешенность национальных и территориальных проблем на Советский Союз.

¹⁷ The United States and Eastern Europe. New York, 1967, p. 8.

В русле дифференцированных акций против социалистических стран Восточной Европы западная политика прилагает значительные усилия к поощрению диссидентских и оппозиционных движений»¹⁸.

Авторы указанного выше проекта констатировали, что новыми явлениями, характерными для 1980-х годов, стали разногласия на Западе по вопросам отношений со странами социалистического содружества. Отношения стран Восточной Европы с Западом в 1960—1980-е годы прошли сложный путь от острого противостояния в разгар «холодной войны» до первых шагов мирного сосуществования и, наконец, к развитию относительно нормальных политических и экономических связей. Это был тяжелый для восточноевропейских стран процесс вхождения в международное сотрудничество, постепенного отхода от односторонней ориентации на Советский Союз.

Развитие этих отношений в значительной мере было связано с общим состоянием отношений между Востоком и Западом, определялось степенью зависимости каждой из восточноевропейских стран от Советского Союза и спецификой политики каждой из западных держав в отношении Восточной Европы в целом и в отношении отдельных ее стран.

Вряд ли можно считать, что выбор пути в сторону сотрудничества с Восточной Европой был сделан западными политиками окончательно уже в 1960-е годы. В правящих кругах ряда стран шла довольно острая борьба крайне консервативных сил и «благоразумных представителей» Запада по вопросу о политике в отношении стран социализма.

Если попытаться свести воедино разработанные Западом рекомендации в связи с политикой в отношении Восточной Европы, то они выражаются в следующем: целью политики является ликвидация связей восточноевропейских стран с Советским Союзом; выход их из Варшавского Договора и проведение ими политики нейтралитета (по примеру Австрии или Финляндии); осуществление внутренней политической реорганизации по образцу «западной демократии». Это была в целом конструктивная и, как показали события последующих двух десятилетий, эффективная концепция политики в отношении Восточной Европы.

МИСТЕР «ИКС» МЕНЯЕТ ВЗГЛЯДЫ

В «Длинной телеграмме» и в статье в «Форин афферс» Дж. Кеннан отстаивал «логику силы» в отношении СССР, предлагал Западу противопоставить Советскому Союзу «достаточную силу и сделать ясной свою готовность использовать ее»¹⁹.

Концепция сдерживания до конца XX в. (а затем и позже — в отношении России) подтверждала долгую жизнь «Длинной телеграммы» Кеннана. Хотя сам мистер «Икс», за годы пребывания в Госдепе, познавший главную направленность политики США, вскоре отказался от «логики силы» и даже заявил, что у него хватило мужества отречься от своих прежних взглядов, понять их ошибочность. И все же, как отмечал Кеннан более чем через 30 лет, статья в «Форин афферс» «приобрела некую прискорбную известность и с тех пор преследует меня по пятам, как верное, но нежелательное и даже определенно затрудняющее мою жизнь животное»²⁰.

Очень четко и объективно сформулировал принципы, которые определили отказ Д. Кеннана от своих убеждений, В. Л. Мальков в очерке «Неизвестный Кеннан»:

¹⁸ Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века, т. 2, с. 256—257.

¹⁹ The Sources of Soviet Conduct. — Foreign Affairs, July 1947, p. 575 (под псевдонимом «X»).

²⁰ Common Sense in US-Soviet Relations. Washington, 1978, p. 27; История США, т. 4. М., 1987, с. 86.

«логика исторического анализа, политический реализм, внутренняя самокритичность ученого, не останавливающегося перед коррекцией собственных взглядов»²¹.

Но «джин был выпущен из бутылки». Идеи Кеннана и сам термин «сдерживание» уже помимо воли автора превратились в силовую «доктрину сдерживания», и вполне реальную внешнеполитическую практику американского правительства, а затем и всего Запада. «Сдерживание», а с начала 1950-х годов уже при Д. Эйзенхауэре «освобождение» стали основой многолетней внешней политики США, предполагающей силовые методы.

«Доктрина сдерживания», в значительной степени «сконструированная» из отдельных положений и формул, изложенных Дж. Кеннаном в «Длинной телеграмме», по словам самого Кеннана, определяла для западного мира «искусное и энергичное применение контрсилы в целом ряде постоянно меняющихся географических и политических пунктов, соответствующих переменам и маневрам советской политики»²².

Дж. Кеннан не раз повторял, что силовая, особенно военно-силовая политика, все более становится малоэффективной и опасной для любой державы, в том числе и для такой экономически богатой и мощной в военном отношении, как Соединенные Штаты.

Уже в 1950-е годы Дж. Кеннан существенно эволюционировал в своих внешнеполитических взглядах. Он стал активным сторонником мирного сотрудничества государств с различным политическим строем, выступал за прекращение гонки вооружений, за предотвращение мировой ядерной войны²³. В своих взглядах на использование силы во внешней политике Кеннан был не одинок. В 1970-е годы американские политические деятели У. Фулбрайт, Р. Никсон, А. Гарриман, Дж. Болл, Г. Киссинджер и другие сторонники «реальной политики» считали необходимым согласовывать национальные интересы с фактическим соотношением сил в современном мире. Конечно, у них были разные взгляды на методы «реальной политики», но в целом они отстаивали, говоря словами госсекретаря США Г. Киссинджера, «необходимость самосохранения, сознавая, что национальные цели имеют свои пределы»²⁴.

Кеннан был сторонником согласования крупных международных проблем между ведущими державами мира. В этом он видел возможность избежать «силовых приемов». Может показаться странным, но идея многополярного мира, которая обсуждается в XXI в., столетия тому назад (правда, в другой конфигурации) была выдвинута Кеннаном. В своих мемуарах он писал, что уже в конце 1940-х годов он «постоянно повторял идею о существовании в мире пяти регионов — США, Великобритании, долины Рейна с прилегающими к ней индустриальными районами, СССР и Японии, в которых только и возможно образование военной мощи внушительных масштабов»²⁵.

Конечно, и структура, и целевые замыслы этих центров силы резко отличаются от главных геополитических сил в начале XXI в. (особенно в связи с появлением мощной державы — Китая). Но сама идея явно противостояла уже тогда нарождавшейся тенденции господства в мире одной державы, располагающей мощной силой во всех ее проявлениях.

Еще в 1954 г. Кеннан высказал «идею о постепенной замене «биполярной» стратегической конфронтации ситуацией «многополярности», т.е. нескольких «центров

²¹ Мальков В. Л. Неизвестный Кеннан: Заметки о морфологии мышления дипломата. — Вестник Института Кеннана в России, вып. 5. М., 2004, с. 37.

²² Kennan G. F. American Diplomacy. 1900–1950. Chicago, 1967, p. 120.

²³ Kennan G. F. The Nuclear Delusion. Soviet-American Relations in the Atomic Age. New York, 1982, p. 208.

²⁴ Цит. по: Современная внешняя политика США. В 2-х т. М., 1984, т. 1, с. 149.

²⁵ Kennan G. F. Memoirs, 1925–1950. Boston — Toronto, 1967, p. 594.

силы». В связи с этим он предлагал разработать новую военно-политическую стратегию США с учетом гибких невоенных методов противоборства²⁶. Кеннан очень объективно (и всегда со знанием дела) оценивал международные ситуации, складывавшиеся на протяжении второй половины XX в. Так, например, в связи с бытующим до сих пор утверждением об «оккупации» Советским Союзом Прибалтики Кеннан в декабре 1958 г. по просьбе аппарата Белого дома давал следующие разъяснения: «В конце концов Прибалтийские государства практически не подверглись вторжению, они согласились с советскими требованиями, которые им были предъявлены»²⁷.

Кеннан резко и язвительно отзывался об «атомной политике» Г. Трумэна, называя его «незрелым и несамостоятельным ребенком»²⁸. Уже тогда он критиковал американское силовое давление на Советский Союз и критически относился «к силовому давлению на Москву, полагая, что оно способно повредить самим Соединенным Штатам»²⁹.

Исследователь американской внешней политики, ее глубокий знаток В. Л. Мальков предельно четко определяет взгляды Кеннана: «Реалист» Кеннан в середине 50-х годов глубже и яснее осознал высокое значение моральных принципов в мировой политике — фактора, создающего главные условия неделимости мира» и оценивал, как «трагическую ошибку», «моральную потерю для американской внешней политики» применение атомного оружия в 1945 г. против Японии³⁰.

В 1981 г. Кеннан сетовал на то, что «в наше время запутанного взаимодействия между мнением публики и коммерческими средствами массовой информации лобби и другие организации меньшинства оказывают чрезмерное влияние на внешнюю политику; необычайно трудно демократическому обществу получить объективное представление о любой другой стране, которая объявлена военным и политическим противником»³¹. Кеннан не раз признавал, что, разрабатывая внешнюю политику, США «игнорируют уроки и прецеденты прошлого»³².

Кеннан пересмотрел и свои взгляды на внутреннюю политику США. Некоторые утверждают, говорил Кеннан, «что поощрение демократии в других странах всегда служит интересам безопасности, политической неприкосновенности, а также процветанию Соединенных Штатов. Если это можно продемонстрировать в конкретном случае, то хорошо. Но так дело обстоит не всегда. Демократия — это широкое понятие. Многие разновидности глупости и несправедливости ухитряются скрываться под маской этого определения. Тот факт, что страна оказывается завлеченной в ловушки самоуправления (trapping of self-government), автоматически не означает, что таким образом продвигаются интересы Соединенных Штатов. Существуют формы плебисцитной «демократии», которые могут оказаться менее благоприятными для американских интересов, чем мудрый и великодушный авторитаризм. Могут быть тирании большинства, а также тирании меньшинства, так что одна едва ли менее одиозна, чем прочие»³³.

Во многих служебных записках, ставших известными спустя много лет, в ряде статей и обобщающих монографиях, а также в мемуарах Кеннана содержатся важные

²⁶ Kennan G. F. Realities of American Foreign Policy. Russia, The Atom and the West. New York, 1958, p. 100.

²⁷ Цит. по: Мальков В. Л. Россия и США в XX веке, с. 246.

²⁸ Там же, с. 363.

²⁹ Там же, с. 409.

³⁰ Там же, с. 34–35.

³¹ Kennan G. Cease this Madness. The Atlantic, January 1981, p. 25.

³² Kennan G. On Dealing with the Communist World. New York, 1964, p. 21.

³³ Ibidem.

и интересные мысли о соотношении власти и силы, их влиянии на внешнюю политику государств. Ценность его размышлений по этим проблемам заключается в том, что, анализируя конкретные внешнеполитические факторы, автор приходит к широким теоретическим обобщениям. Поэтому его суждения остаются актуальными и в XXI в., и не только для политиков и государственных деятелей Соединенных Штатов, но и для лидеров многих других стран.

Кеннан, как никто другой из американских исследователей внешней политики своей страны, определил четкую взаимосвязь между интересами власти и сущностью внешней политики. Уже в начале своей дипломатической деятельности, как он утверждает, «я получил урок, касающийся одной из характерных черт американских государственных деятелей, — их тенденции делать заявления и совершать те или иные акции, исходя не из последствий для международных дел (чего следовало ожидать), а из реакции на них американского общественного мнения и в особенности — конгресса. Политиков интересует, выглядят ли они внутри страны достаточно профессиональными и отстаивающими национальные интересы, пусть их действия и не приносят особой пользы этим интересам... Пока американское общество и пресса не перестанут вести себя подобным образом, наша страна не будет иметь по-настоящему зрелой и эффективной внешней политики, достойной великой державы»³⁴.

Прав А. И. Уткин, отмечая, что «идеи Кеннана были одними из наиболее влиятельных в XX в.»³⁵.

Многие оценки дипломатом и историком Кеннаном международных событий второй половины XX в., его глубокие мысли о природе внешней политики США, России, ряда европейских государств, размышления о будущем развитии мира — не только представляют интерес для историков, но и являются чрезвычайно актуальными для понимания современной все более усложняющейся и грозящей серьезными опасностями международной жизни, для разработки новых принципов дипломатии XXI в.

КОНФЕРЕНЦИИ В МОСКВЕ, ВАШИНГТОНЕ И ПРИНСТОНЕ

70-е — 80-е годы прошлого века были отмечены некоторым потеплением «холодной войны», что проявилось, в частности, в обнадеживающих тогда решениях Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в августе 1975 г. К этому времени относятся первые после Второй мировой войны научные конференции советских и американских историков, политиков и дипломатов.

Одной из первых таких конференций стала проведенная в июне 1987 г. в Москве. С 16 по 18 июня в небольшом конференц-зале «Дома туриста» в конце Ленинского проспекта проходила встреча историков СССР и США. Обсуждались проблемы советско-американских отношений после Второй мировой войны, возникновение «холодной войны». За столом у окна сидели председатель Национального комитета советских историков академик С. Л. Тихвинский, его заместитель по комитету, возглавлявший советскую делегацию проф. А. О. Чубарьян и руководитель американской делегации бывший посол США в СССР Дж. Кеннан. Обе делегации сидели за отдельными столами — друг напротив друга. Так получилось, что известный историк-американист Б. И. Марушкин и автор этого очерка сидели близко к «председательскому» столу и оказались почти рядом с Кеннаном.

³⁴ Кеннан Дж. Дипломатия второй мировой войны глазами американского посла в СССР, с. 41.

³⁵ Уткин А. И. Роковые телеграммы Кеннана. — Вестник Института Кеннана в России, вып. 5. М., 2004, с. 44.

В своих работах мы часто использовали почти все известные к тому времени публикации Кеннана, высоко ценили смелый критический подход к его собственным оценкам послевоенных международных отношений. Но сейчас, глядя на Кеннана, слушая его, мы видели перед собой не только дипломата и ученого, но и мудрого человека. У Кеннана было очень четкое произношение, пристальный взгляд внимательно смотрящих на собеседников глаз, приятная, чуть заметная ироничная улыбка. Да и внешне это был красивый, привлекательный человек, немного сухощавый, выше среднего роста, со спокойными размеренными движениями. Он с большим уважением слушал каждого докладчика и участника дискуссии.

В ходе конференции (а в американской делегации были не только сторонники взглядов Кеннана) поднимались многие вопросы советско-американских отношений. В своем выступлении Кеннан отметил, что как участник рассматриваемых на конференции событий и как их летописец он особенно ощущает необходимость осознания историками своей возросшей ответственности перед будущим. Это было трудное, напряженное время, говорил Кеннан, и «возможно, нами были допущены ошибки». Трезвое осмысление уроков прошлого необходимо для наступающего этапа решающих перемен в международных отношениях, требующего конструктивных усилий народов обеих стран.

В докладах, посвященных опыту сотрудничества СССР и США в годы войны в рамках антигитлеровской коалиции, проф. Дж. К. Херринг, д.и.н. А. Ю. Борисов, д.и.н. В. Л. Мальков сошлись во мнениях об упущенных шансах продолжения этого сотрудничества в послевоенные годы. Однако в отличие от своего американского коллеги Мальков и Борисов отметили, что ответственность за развязывание «холодной войны» ложится на правящие круги США, которые, используя временную монополию на ядерное оружие и возросшее экономическое могущество, стремились установить преобладающее влияние в мире. Эта же мысль была подчеркнута в последовавшей оживленной дискуссии д.и.н. Д. М. Проэктором и другими³⁶.

Дискуссия подчас принимала весьма острый характер. Так, после резкого выступления проф. Бостонского университета В. Мастны, который безосновательно заявил об угрозе всей Европе со стороны СССР в 1945–1950 гг., Б. И. Марушкин и я (возможно, слишком эмоционально и резко) аргументированно доказали беспочвенность утверждений американского профессора.

Различия в толкованиях причин и содержания «холодной войны» проявились в докладах на тему «Стратегия и дипломатия» проф. Э. Р. Мэя и д.и.н. А. И. Уткина. Главное, по мнению Мэя, состояло во «взаимном непонимании» между лидерами двух стран, возникшем из-за «неправильного восприятия» ими целей другой стороны. А. И. Уткин сосредоточил внимание на поляризации целей СССР и США после разгрома стран «оси». СССР, вынесший на своих плечах главное бремя войны, стремился к миру, к обеспечению своей безопасности. США же, опираясь на свое усилившееся экономическое и военное могущество, стали рассматривать весь мир как систему, контролируемую из Вашингтона. У выступавших с американской и советской сторон нашлись, однако, точки соприкосновения: было подчеркнуто значение фактора доверия³⁷.

Содержание и тональность выступлений Кеннана производили особое впечатление на всех участников встречи. В заключительных словах С. Л. Тихвинского и А. О. Чубарьяна отмечалось, что активное участие Кеннана в работе конференции придало ей особую значимость.

³⁶ Кунина А. Е. Конференция по истории советско-американских отношений в 1945–1950 гг. — Новая и новейшая история, 1988, № 1, с. 239–242.

³⁷ Там же, с. 241.

Некоторые из участников конференции в Москве через три года, летом 1990 г. вошли в состав советско-американской комиссии по изучению происхождения «холодной войны». Были встречи в Москве, Вашингтоне, а затем в Принстоне. В ходе встреч постоянно звучало имя Кеннана. И американские, и советские историки, анализируя истоки «холодной войны», подробно характеризовали «Длинную телеграмму» и ее автора. В составе американской делегации были давние оппоненты Кеннана — директор Русского исследовательского центра Гарвардского университета А. Улам, профессор Гарварда Р. Пайпс, профессор Института Гувера Р. Конквест.

Из Вашингтона мы переехали в родной для Кеннана Принстон с его старинным (по американским меркам) университетом. Надеялись на встречу с Кеннаном. Но стоял жаркий август, и Кеннан, говорили, находился в Норвегии, на родине жены. Так что наша встреча с ним не состоялась.

Не будет преувеличением отметить, что продолжительные дискуссии советских и американских историков и дипломатов в Москве и Вашингтоне в июне — июле 1990 г. были очень серьезной плодотворной встречей, где откровенно и конструктивно обсуждались проблемы советско-американских отношений. Позже были и другие, менее результативные дискуссии, а затем они, к сожалению, прекратились. Но тогда, сначала на даче МИД СССР в Мешерино 25–27 июня, а затем 22–25 июля в Вашингтоне и один день в Принстоне была подлинно научная, хотя и не без острых столкновений, дискуссия.

Довольно подробно материалы московской и вашингтонской встреч были изложены в специальном номере «Журнала Института мира Соединенных Штатов»³⁸. Вот лишь некоторые из событий, освещенных в журнале, а также по воспоминаниям участника обеих встреч.

Хотя конференция (обе ее части) официально называлась «История возникновения “холодной войны”», но все содержание, ход дискуссий были посвящены послевоенным советско-американским отношениям и их влиянию на международную политику. Это определило и состав участников. С американской стороны: Р. Конквест, Ф. Фукуяма, Дж. Гэддис, В. Лакэр, П. Нитце, Р. Пайпс, В. Росту, А. Шлесингер, Г. Сонненфельд, А. Улам, А. Вайнштейн и др. С советской стороны: А. Чубарьян, В. Шустов, В. Соколов, В. Мальков, А. Филатов, М. Наринский, И. Орлик, С. Плеханов, В. Печатнов, Ю. Поляков, В. Зубок и др.

Имена известных ученых-международников, а также названия научных институтов, МИД СССР и Госдепартамента США — все это свидетельствовало о серьезных намерениях обеих сторон не только выяснить причины «холодной войны», но и определить настоящее и будущее взаимоотношений СССР и США. В докладах Ю. А. Полякова и Г. Сонненфельда излагались особые мнения на происхождение «холодной войны». Более детально новые вопросы о происхождении «холодной войны» поставил А. Вайнштейн. Обсуждался также вопрос: «окончилась ли “холодная война”» или «идет к концу»?

В Москве в перерывах между заседаниями состоялись встречи участников конференции с министром иностранных дел Э. А. Шеварднадзе и в Кремле с Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР Е. М. Примаковым. На американцев встреча с Примаковым произвела особое впечатление и по содержательности, и по свойственному Примакову стилю общения³⁹.

³⁸ United States Institute of Peace Journal, October 1990, v. III, № 4.

³⁹ Вряд ли кто-либо из сидевших за столом в кабинете Е. М. Примакова мог себе представить, что менее, чем через 10 лет премьер-министр Российской Федерации Е. М. Примаков на борту самолета, направлявшегося в Вашингтон, получит срочное сообщение о готовящейся бомбардировке Белграда и развернет самолет над Атлантикой в обратную сторону. «Холодная война», об окончании которой объявили Дж. Буш и М. С. Горбачёв, набирала новые обороты.

Аналогичные встречи прошли через месяц в Вашингтоне: в конгрессе США и в Государственном департаменте, где всех участников конференции принимал исполняющий обязанности госсекретаря Л. Иглбергер. Именно ему принадлежат многие соображения о политике США в Европе и, в особенности, о будущем Восточной Европы, где разворачивались, по его словам, важные реформы.

О проблемах Восточной Европы, не только в связи с источниками «холодной войны», но и о будущем этого европейского региона говорили многие. Приведу краткие выдержки из моего выступления в Вашингтоне по теме «Восточная Европа — объект и субъект “холодной войны”».

Среди различных вариантов трактовки причин возникновения и развития «холодной войны» восточноевропейский вариант имеет наиболее аргументированное обоснование. Восточная Европа была не только полем, где разворачивалась «холодная война», но и ее активным участником.

Объективная оценка причин «холодной войны» требует анализа целого комплекса факторов, относящихся к интересам СССР и Запада в восточноевропейском регионе, условий внутреннего социально-экономического и политического развития стран Восточной Европы, воздействия на это развитие со стороны Советского Союза и со стороны США и других западных держав.

Такой подход, а также привлечение новых документальных материалов (в том числе и архивных) дает возможность оценить советскую и западную трактовки причин возникновения «холодной войны», признать необъективными и необоснованными взаимные обвинения со стороны США и СССР в развязывании «холодной войны».

В значительной степени предопределенная решениями Ялты и Потсдама по послевоенному устройству Восточной Европы «холодная война» разворачивалась именно здесь, в этом регионе, как результат развития внутренних процессов в восточноевропейских странах и воздействия на эти процессы Советского Союза и Запада. Именно это воздействие предопределило «скачок» от народно-демократической революции к социалистической, вызвав и соответствующую реакцию со стороны Запада. Искусственно прерванный процесс демократического обновления стран Восточной Европы в конце 1940-х годов привел к обострению «холодной войны». Этот «скачок к социализму» произошел под прямым воздействием руководства Советского Союза. В то же время он осуществлялся внутренними политическими силами стран Восточной Европы. И, как это ни парадоксально, этому «скачку» содействовала и западная политика, направленная в то время на поддержку крайне правых, консервативных сил, а не «средних» — демократических объединений и партий. Это сочетание разнодействующих политических направлений привело к установлению в Восточной Европе левозкстремистских режимов и к дальнейшему обострению «холодной войны», активными участниками которой стали восточноевропейские страны.

Основными направлениями противоборства в ходе «холодной войны» стали острые дебаты по проблемам послевоенного мирного урегулирования в восточноевропейском регионе, реализация Соединенными Штатами политики «сдерживания» в отношении Восточной Европы, противодействие Советского Союза распространению плана Маршалла на восточноевропейские страны, февральские события 1948 г. в Праге. Во всех этих проявлениях «холодной войны» Восточная Европа была и объектом и субъектом усиливавшегося противоборства между Востоком и Западом.

Проблемы Восточной Европы, не только в связи с «холодной войной», обсуждались в Вашингтоне Л. Иглбергером, К. Клифферддором и другими американскими экспертами. Речь шла и о «постсоциалистическом» будущем Восточной Европы. Не исключено, что принимая нас в Госдепартаменте, Л. Иглбергер (бывший посол США

в Югославии) уже был осведомлен о готовящихся американских планах, да и сам принимал участие в разработке новой политики США в отношении Балканского региона, а, может, и всей Центрально-Восточной Европы.

Конечно, летом 1990 г. на советско-американской конференции не говорилось, но было ясно, что падение социалистического строя в восточноевропейском регионе повлечет за собой коренные изменения здесь, а затем и во всей Европе. Объявленная Дж. Кеннаном доктрина «сдерживания» реализовывалась почти через полстолетия. Начинался период «постсоциалистических трансформаций».

В выступлениях в Москве и в Вашингтоне в связи с американской доктриной «сдерживания» не раз упоминался Дж. Кеннан и его «Длинная телеграмма». Своеобразной сенсацией стало в Вашингтоне представление советской делегацией своей рассекреченной «Длинной телеграммы». Это была секретная аналитическая записка, озаглавленная «Внешняя политика США в послевоенный период». Ее направил в Москву советский посол в США Н. В. Новиков 27 сентября 1946 г. Это был пространный документ, на 20 страницах. Его содержание заслуживает специального рассмотрения. Вот лишь некоторые выдержки, которые привлекли особое внимание наших американских коллег в ходе конференции. Они были опубликованы в специальном выпуске Журнала Института мира США.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ ПОСЛА Н. В. НОВИКОВА

Антисоветская кампания

Разговоры о «третьей войне», означающие войну против Советского Союза, и даже прямые призывы к этой войне с угрозой применения атомной бомбы — таково содержание заявлений реакционеров об отношениях с Советским Союзом на публичных митингах и в прессе... Главная цель этой антисоветской кампании в американском «общественном мнении» — оказать политическое давление на Советский Союз и вынудить его на уступки.

Другая, не менее важная цель этой кампании состоит в попытке создания атмосферы военного психоза в массах, которые утомлены войной, что упрощает правительству выстраивать критерии для высокого военного потенциала Соединенных Штатов.

Военный потенциал

Очевидные указания на усилия Соединенных Штатов установить мировое господство также обнаруживаются в возрастании военного потенциала в мирное время и в создании большого числа военно-морских и авиационных баз как в Соединенных Штатах, так и за их пределами.

Внешняя политика Соединенных Штатов

Внешняя политика Соединенных Штатов, которая отражает империалистические устремления Американского монополистического капитала, в послевоенный период характеризуется борьбой за верховенство в мире. Именно это является действительным смыслом многих заявлений президента Трумэна и других представителей американских правящих кругов: Америка имеет право руководить миром.

Восточная Европа

Во враждебных в прошлом странах, таких как Болгария, Финляндия, Венгрия и Румыния, восстановление демократий установило режимы, которые предприняли попытки усилить и поддерживать дружественные отношения с Советским Союзом. В славянских странах, которые были освобождены Красной Армией или при ее поддержке — в Польше, Чехословакии и Югославии — такие были установлены демократические режимы, которые поддерживают отношения с Советским Союзом на основе соглашений о дружбе и взаимной помощи... Такая ситуация в Восточной и Юго-Восточной Европе не может не считаться американскими империалистами как препятствие на пути экспансионистской политики Соединенных Штатов.

Соединенные Штаты и Британия

Основные черты секретного соглашения между Соединенными Штатами и Англией в отношении раздела мира состоят, как показывают факты, в их согласии на включение Японии и Китая в сферу влияния Соединенных Штатов на Дальнем Востоке, в то время как Соединенные Штаты согласились не препятствовать Англии ни в решении индийской проблемы, ни в усилении ее влияния в Сиаме и в Индонезии.

Подготовка к войне

Следует обратить особое внимание на тот факт, что подготовка Соединенных Штатов к будущей войне ведется в плане войны против Советского Союза, который в глазах американских империалистов является главным препятствием на пути Соединенных Штатов к мировому господству.

Конференция в Москве, Вашингтоне и Принстоне проходила в духе откровенности, корректности и даже, подчас, в дружеской атмосфере. И все же в докладах, выступлениях, в репликах в ходе дискуссий нам, некоторым членам советской делегации, нельзя было не почувствовать особого «подтекста» — не только удовлетворения в американской «победе» в «холодной войне», но и, подчас, глухого подтверждения скорой реализации давних и обновленных идей «сдерживания».

Таковы краткие тезисы советской «Длинной телеграммы».

КОГДА ЗАВЕРШИТСЯ «ПОСТСОЦИАЛИЗМ»?

В XX в. было немало предсказаний относительно будущего развития мира. Выражались надежды на его «демократизацию» и установление «демократических международных отношений», на утверждение «нового политического мышления», признание «глобализации и общечеловеческих интересов» и т.п. Но пришел век XXI и развеял все эти предсказания.

В начале 90-х годов XX в. наступил период «постсоциалистических трансформаций»⁴⁰. Некоторые, в том числе и советские исследователи, выражали надежду на «процесс обновления» в Восточной Европе, «новое взаимодействие» между Востоком и Западом, считали бесперспективным «видение мира через призму политической, военной и идеологической конфронтации»⁴¹.

Увы! Все оказалось далеко не так. Почему?

Возвратимся снова к соображениям Дж. Кеннана. Пересказать вкратце некоторые оценки «русского будущего» невозможно. Они четкие, лаконичные, а главное — звучат сегодня (в XXI в.!) как наставления и российским, и американским политикам, да и как теоретические обобщения, важные для понимания любого переходного периода. Трудно себе представить, что эти мысли были сформулированы почти 70 лет тому назад, когда, казалось, Россия (Советский Союз) после Победы вступает в эру многовекового развития, неизменного роста своего могущества.

Между тем Дж. Кеннан писал о будущих кардинальных изменениях, глубоко проникая в самую их суть. Как пророчески звучат его наставления русским и американцам по поводу их отношения к «русскому будущему». «Обращаясь к политической стороне дела, мы не можем ожидать появления либерально-демократической России, созданной по американскому образцу. Это необходимо подчеркнуть со всей силой. Это не значит, конечно, что будущий русский режим обязательно будет антилиберальным. Нет более прекрасной либеральной традиции, чем та, которая была в русском прошлом. Мы только можем от всей души пожелать им успеха. Но мы не окажем им

⁴⁰ Мусатов В. Л. Восточная Европа: процесс перемен. — Новая и новейшая история, 1991, № 2, с. 19—31.

⁴¹ Там же, с. 31.

услуги, если будем ожидать от них слишком быстрых и слишком больших успехов, или же если будем надеяться, что они создадут строй, подобный нашему»⁴².

А вот предупреждение будущим (т.е. сегодняшним) «реформаторам» России: «Многие характерные черты советской системы переживут советскую власть, хотя бы уже потому, что все другое, что можно было бы ей противопоставить, было уничтожено. Некоторые же черты советской системы заслуживают того, чтобы они пережили ее, ибо ни одна система, просуществовавшая десятилетия, не может быть лишена отдельных положительных черт. Программа всякого правительства будущей России должна будет учесть тот факт, что в русской жизни был советский период, и что этот период оставил — вместе с отрицательным — и свой положительный отпечаток»⁴³.

Предлагает задуматься Дж. Кеннан и американским, да и вообще западным «советникам»: «Нам, американцам, в особенности следует сдерживать, а если возможно, то и раз навсегда уничтожить укоренившуюся среди нас склонность судить о других народах в зависимости от того, в какой степени они похожи на нас самих»⁴⁴.

Дж. Кеннан осудил недальновидное расширение НАТО за счет восточноевропейских государств в начале XXI в. Он сетовал на то, что «в наше время запутанного взаимодействия между мнением публики и коммерческими средствами массовой информации лобби и другие организации меньшинства оказывают чрезмерное влияние на внешнюю политику; необычайно трудно демократическому обществу получить объективное представление о любой другой стране, которая объявлена военным и политическим противником»⁴⁵.

«В последние годы, — писал Дж. Кеннан в 1986 г., — было немало случаев, когда американское правительство выражало недовольство действиями других правительств руководствуясь основаниями, которые, по крайней мере, предполагали моральные критерии для оценки, и в некоторых из данных случаев словесные заявления протеста подкреплялись более осязаемыми мерами давления. Эти различные интервенции проходили под целым рядом лозунгов: демократии, прав человека, правления большинства, верности договорам, верности Уставу ООН и т.д. Мишенью при этом иногда были внешняя политика, действия стран — «нарушителей», но чаще — внутриполитические действия»⁴⁶.

Уже тогда, в середине 80-х годов прошлого века, Дж. Кеннан предупреждал об опасности спекулятивного использования лозунга «демократия» для оправдания военно-интервенционистских планов и действий. Некоторые утверждают, говорил он, «что поощрение демократии в других странах всегда служит интересам безопасности, политической неприкосновенности, а также процветанию Соединенных Штатов. Демократия — это широкое понятие. Многие разновидности глупости и несправедливости ухитряются скрываться под маской этого определения. Тот факт, что страна оказывается завлеченной в ловушки самоуправления (trappings of self-government), автоматически не означает, что таким образом продвигаются интересы Соединенных Штатов. Существуют формы плебисцитарной “демократии”, которые могут оказаться менее благоприятными для американских интересов, чем мудрый и великодушный авторитаризм. Могут быть тирании большинства, а также тирании меньшинства, так что одна едва ли менее одиозна, чем прочие»⁴⁷.

⁴² Кеннан Д. Ф. Америка и русское будущее. — Новая и новейшая история, 2001, № 3, с. 84.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Kennan G. Cease this Madness. — The Atlantic, January 1981, p. 25.

⁴⁶ Kennan G. F. Morality and Foreign Policy. — Foreign Affairs, Winter 1985–1986, № 2, p. 208.

⁴⁷ Ibid., p. 209.

Эти и другие мысли мудрого американца имеют прямое отношение к формированию, а затем к завершению «постсоциализма» в России и других бывших социалистических странах. После падения социалистического строя в Восточной Европе и распада Советского Союза наступил ожидаемый и предначертанный многими период «постсоциализма». Особые ожидания были в восточноевропейских странах, где после западных финансовых вливаний значительная часть населения пребывала в эйфории. Казалось пришло долгожданное и долгое счастье. Но после кризиса 2008–2010 гг. эйфория сменилась скептицизмом⁴⁸.

Венгерский экономист Я. Корнай, вспоминая о настроениях и ожиданиях жителей восточноевропейских стран за несколько лет перед распадом «социалистической системы», говорил: «В то время мысль о том, что в обозримом будущем их страны превратятся в демократии с рыночной экономикой, казалась им несбыточной мечтой. Но сегодня (речь идет о первом десятилетии нового века. — *И. О.*), когда это стало реальностью, многие из них испытывают разочарование и горечь»⁴⁹.

При этом Я. Корнай указывает на важный источник преобразований в странах ЦВЕ — действия «великих держав». По его словам, практика показывает, что их «начали базирующиеся в Вашингтоне международные финансовые организации, и постепенно продолжил Европейский союз. В соответствии с этой практикой предоставление займов и грантов, развитие отношений, гарантирование различных дополнительных прав во все большей мере связывались с выполнением определенных предварительных условий. Верно, что формулировка этих условий, как правило, отвечала долгосрочным интересам соответствующих стран. Тем не менее многие изменения были навязаны этим странам с помощью внешнего давления или, по меньшей мере, это давление ускоряло реализацию изменений». И все это, — подчеркивает Я. Корнай, — «несомненно приведет к ограничению национального суверенитета государств»⁵⁰.

Потеря суверенитета — это снова «сдерживание». Казалось, после распада Советского Союза и «ухода» на Запад восточноевропейских стран, концепция «сдерживания» должна была быть отброшенной или хотя бы пересмотренной. Но ничего подобного не произошло. Напротив. Во втором десятилетии XXI в. «сдерживания», теперь уже не СССР, а России, стало еще более жестким и, в конечном счете, угрожающим не только России, но и, в случае его практического военного применения, судьбе всего мирового порядка, да и мира в целом.

«Постсоциалистические» трансформации явно исчерпали себя. Во-первых, непонятный по содержанию «постсоциализм», спустя 30 лет, не может продолжаться еще десятки лет. Во-вторых, трансформации фактически завершились. Остались какие-то дополнения или корректировки законов или даже конституций (как, например, в Польше). Да и суть трансформаций остается неясной. В ряде восточноевропейских стран политологи вообще считают, что никаких демократических «постсоциалистических» трансформаций не произошло. По мнению некоторых венгерских экономистов, у них в стране, да и в других восточноевропейских государствах, произошла банальная реставрация бывшего капитализма. Дефиниция «социальное государство» вряд ли определяет суть подлинного государственного устройства. А определение «демократическое государство» еще более запутывает поиск подлинной сути «постсоциализма».

⁴⁸ См. Орлик И. И. Центрально-Восточная Европа: от эйфории к скептицизму. — Мир перемен, 2018, № 1, с. 79–91.

⁴⁹ Корнай Я. Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: успехи и разочарования. — Мир перемен, 2006, № 2, с. 9.

⁵⁰ Там же, с. 27, 29.

Что же ждет дальше Россию и другие страны, жившие в XX в. при социализме? В наш нестабильный, бурный XXI век предначертания будущего вряд ли возможны.

Библиография

- Громыко А. А.* Памятное. В 2-х кн. М., 1990, кн. 1.
- Кеннан Д. Ф.* Америка и русское будущее. — Новая и новейшая история, 2001, № 3, с. 81–98.
- Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР. М., 2000.
- Кеннан Д. Ф.* Истоки советского поведения. — <http://www.grinchevskiy.ru/1945–1990/istoki-sovetskogo-povedeniya.php> (дата обращения 18.07.2019).
- Корнаи Я.* Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: успехи и разочарования. — Мир перемен, 2006, № 2.
- Кунина А. Е.* Конференция по истории советско-американских отношений в 1945–1950 гг. — Новая и новейшая история, 1988, № 1, с. 239–242.
- Мальков В. Л.* Неизвестный Кеннан: Заметки о морфологии мышления дипломата. — Вестник Института Кеннана в России, вып. 5. М., 2004.
- Мальков В. Л.* Россия и США в XX веке. М., 2009.
- Мусатов В. Л.* Восточная Европа: процесс перемен. — Новая и новейшая история, 1991, № 2, с. 19–31.
- Орлик И. И.* Центрально-Восточная Европа: от эйфории к скептицизму. — Мир перемен, 2018, № 1, с. 79–91.
- Постсоциалистический мир: итоги трансформации, в 3-х т. СПб., 2017.
- Современная внешняя политика США, в 2-х т. М., 1984, т. 1.
- Уткин А. И.* Роковые телеграммы Кеннана. — Вестник Института Кеннана в России, вып. 5. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века, т. 2. М., 2002.
- Acheson D.* Power and Diplomacy. Cambridge, 1958.
- Kennan G. F.* American Diplomacy. 1900–1950. Chicago, 1967.
- Kennan G. F.* Memoirs, 1925–1950. Boston — Toronto, 1967.
- Kennan G. F.* Morality and Foreign Policy. Foreign Affairs, Winter 1985–1986, № 2.
- Kennan G. F.* Realities of American Foreign Policy. Russia, The Atom and the West. New York, 1958.
- Kennan G. F.* The Nuclear Delusion. Soviet-American Relations in the Atomic Age. New York, 1982.
- Kennan G.* On Dealing with the Communist World. New York, 1964.
- Kennan G.* Realities of American Foreign Policy. Princeton, 1954.
- Kennan G.* Cease this Madness. — The Atlantic, January 1981.
- Meyer H.* The Last Illusion. New York, 1954.

References

- Acheson D.* Power and Diplomacy. Cambridge, 1958.
- Central-Eastern Europe in the Second Half of the XX Century, vol. 2. Moscow, 2002. (In Russ.)
- Gromyko A. A.* Memorable. In 2 vols. Moscow, 1990, vol. 1. (In Russ.)
- Kennan D. F.* America and the Russian Future. — Modern and Contemporary History, 2001, № 3. (In Russ.)
- Kennan D. F.* Sources of Soviet behavior. — <http://www.grinchevskiy.ru/1945–1990/istoki-sovetskogo-povedeniya.php> (accessed 18.07. 2019). (In Russ.)
- Kennan G.* Cease this Madness. — The Atlantic, January 1981.
- Kennan G. F.* American Diplomacy. 1900–1950. Chicago, 1967.
- Kennan G. F.* Memoirs, 1925–1950. Boston — Toronto, 1967.
- Kennan G. F.* Morality and Foreign Policy. Foreign Affairs, Winter 1985–1986, № 2.
- Kennan G. F.* Realities of American Foreign Policy. Russia, The Atom and the West. New York, 1958.
- Kennan G. F.* The Nuclear Delusion. Soviet-American Relations in the Atomic Age. New York, 1982.
- Kennan G.* On Dealing with the Communist World. New York, 1964.
- Kennan G.* Realities of American Foreign Policy. Princeton, 1954.
- Kennan J.* World War II Diplomacy Through the Eyes of the American Ambassador to the USSR. Moscow, 2000. (In Russ.)

- Kornai J.* The Great Transformation of Central – Eastern Europe: Successes and Disappointments. – World of Change, 2006, № 2. (In Russ.)
- Kunina A. E.* Conference on the History of Soviet-American Relations in 1945–1950 – Modern and Contemporary History, 1988, № 1, p. 239–242. (In Russ.)
- Malkov V. L.* Russia and the USA in the 20th Century. Moscow, 2009. (In Russ.)
- Malkov V. L.* Unknown Kennan: Notes on the Morphology of the Diplomat's Thinking. – Bulletin of the Kennan Institute in Russia, vol. 5. Moscow, 2004, p. 37. (In Russ.)
- Meyer H.* The Last Illusion. New York, 1954.
- Musatov V. L.* Eastern Europe: the Process of Change. – Modern and Contemporary History, 1991, № 2, p. 19–31. (In Russ.)
- Orlik I. I.* Central-Eastern Europe: From Euphoria to skepticism. – World of Change, 2018, № 1, p. 71–91. (In Russ.)
- Post-socialist World: Results of the Transformation. In 3 vols. Saint-Petersburg, 2017. (In Russ.)
- US Foreign Policy. In 2 vols. Moscow, 1984, vol. 1. (In Russ.)
- Utkin A. I.* Fatal Telegrams of Kennan. – Bulletin of the Kennan Institute in Russia, vol. 5. (In Russ.)